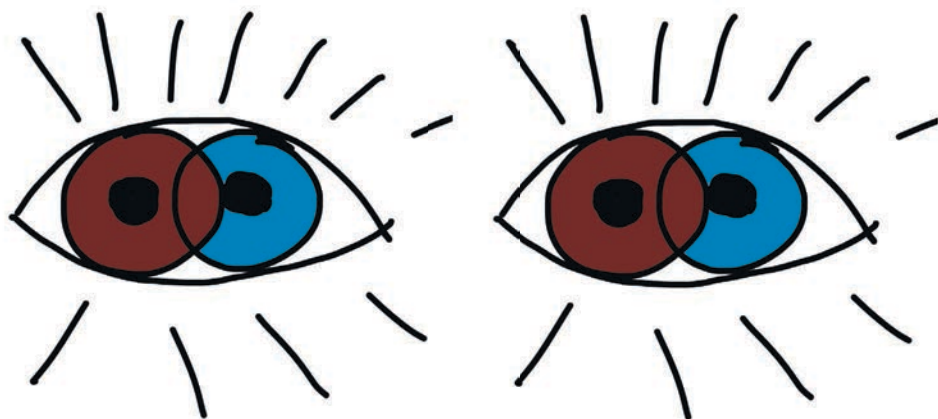

А Н Д Р Е Й Ю Р Ь Е В

~~СОЛО НА ШВЕЙНОЙ ИГЛЕ~~

р о м а н

АНДРЕЙ ЮРЬЕВ

**СОЛО
НА ШВЕЙНОЙ
ИГЛЕ**

Москва, 2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ю85

*Составитель серии Андрей Геласимов
Дизайн обложки Алены Геласимовой*

Юрьев А.

Ю85 Соло на швейной игле : [роман]. — М.: ИД «Городец», 2021. — 368 с. — (Серия «Ковчег»).

У тридцатилетнего Дэна все хорошо: стабильная работа в крупной компании, дома ждет любимая девушка и даже близится запись дебютного рок-альбома. Неожиданный обморок во время репетиции с группой меняет все: МРТ показала наличие в головном мозге... швейной иглы! Как она туда попала? И что теперь с этим делать? В поисках правды молодой человек отправляется в родной Новосибирск, где тревожные детские воспоминания давят со всех сторон. Злополучная иглолка в его голове закрутила грампластинку семейных тайн, и вместо ответов Дэн находит лишь новые вопросы. Между тем в городке близ Новосибирска обычная девушка с необычными глазами обретает неведомую силу.

ISBN 978-5-907483-02-6

© А. Юрьев, 2021
© ИД «Городец», 2021

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Весенний воздух полон магии. Жаль, не все это замечают.

Дэну Цветкову сегодня было не до волшебства. Он спешил на запись новой песни, прокляпанные казаки высекали искры из асфальта. Холодный весенний ветер развевал волосы, а редкие прохожие шарахались в стороны, стараясь не попасть под раскачивающийся в его руках гитарный кейс. Дэн шел слишком быстро для воскресного утра, ломая общий неторопливый ритм.

В голове звучала песня, и мира вокруг не существовало. Все инструменты и голоса сливались в единый мощный ансамбль. Когда-нибудь, он надеялся, люди научатся записывать мелодии прямо из собственного сознания. Никаких репетиций, споров с коллегами-музыкантами, не понимающими замысла композитора, никакой фальши. Только чистая поэзия незамутненной гармонии. Именно так все звучало в его голове. Идеально.

Длинные ноги в кожаных штанах несли его по Москве и в нужный момент спустили вниз. Набойки процокали по мрамору ступеней метро. Он вошел в вагон и плюхнулся на свободное место, глядя сквозь пожилую пассажирку напротив. Было в его взгляде что-то странное, даже неживое. Женщине стало неудобно. Она уже решила пересесть на соседнюю лавку, но чудной молодой человек вышел на следующей станции. Не замечая спящих мимо

людей, он прошел по переходу на другую ветку, а когда полупустой вагон закачался, разгоняясь, прислонился, вопреки правилам, к дверям.

А потом свет на секунду померк, словно отрубили электричество. Остро кольнуло в затылке, в глазах поплыли зеленые хлопья. Поезд дернулся, сбавляя ход, свет в вагоне моргнул, и тут же в окнах замелькали черные фигуры людей на перроне. Дэн помотал головой, закрыл с силой глаза, и, сам того не замечая, прикусил губу. На секунду перед закрытыми глазами вспыхнул огонь, в черной пустоте замерцали зеленые вспышки. Стало страшно, словно он оказался на краю пропасти.

А потом в голове снова заиграла музыка. Сначала тихо, даже робко, потом все громче. Когда Дэн открыл глаза, все было как обычно. Только пахло горелой резиной. Люди качались, держась за поручни, словно коалы за ветки эвкалипта. Вагон остановился под бодрый речитатив диктора.

Что это только что было?

Дэн вышел на перрон, поднялся по лестнице наружу и, прищурившись от яркого солнечного света, пошел в толпе. Черный гитарный кейс в его руке тяжело покачивался в такт шагам. Он быстро прошел знакомым маршрутом, впечатывая ботинки в асфальт в такт музыке, игравшей в его голове. Кивнул вахтеру на входе в здание бывшего завода «Москвич» и прошагал по коридору к двери репетиционной.

Когда он вошел, музыканты уже настраивались. Дэн бросил сухую на колонку, кивнул каждому и подключил гитару. Песня все еще играла в его голове, он спешил присоединиться к ней сам и ввести партии музыкантов. Только бы они ничего не испортили!

— Погнали?

Никогда еще «Атолл Бикини» не играли воодушевленной, чем сегодня. Звук был плотный и, как сказал бы хозяин студии дядя Боря, фирменный. Каждый из четверых музыкантов вел свою партию, такую, казалось бы, несовместимую с другими, а в итоге

рождалась музыка. Звуки инструментов сплетались в единое целое, и над всем этим летел вокал Дэна. Звонкий и проникновенный, он бы мог обогнуть земной шар и вернуться обратно, если бы не ячеистые панели на стенах, которые безжалостно поглощали звук.

Музыка пульсировала в тесном пространстве комнаты, она обволакивала каждую клеточку тел музыкантов, резонируя с их костями и мышцами. Басовый барабан бил молотом в грудь, струны рвали пространство в клочья, а бас-гитара собирала все заново из разрозненных, бешено летающих по комнате осколков. Это и было настоящим чудом, магией, которую способны ощутить лишь посвященные.

Живые звуки музыки постепенно брали верх над идеалом, рокотавшим в голове Дэна, и он начал возвращаться в реальный мир. Стал замечать детали вокруг себя. Услышал неровное дребезжание вентилятора, ощутил прохладную влажность футболки на спине. Дэн кинул взгляд в застекленное окошко, отделяющее студию от комнаты звукорежиссера: дядя Боря что-то подкручивал на микшерском пульте. Этого человека обычно трудно удивить, но то, что сейчас голова его двигалась еле заметно в такт музыке, вперед-назад по неподвижной, кирпичного цвета шее, значило, что и его пробрала атмосфера в студии, это ни с чем не сравнимое волшебство рождения.

Дядя Боря словно услышал мысли Дэна, скинул наушники на шею одним движением руки и ткнул кулаком с поднятым большим пальцем в стекло. Нравится. Рядом с окошком — Лёха, их соло-гитарист. Это он сочинил цепкий рифф, благодаря которому песня станет хитом, никаких сомнений. Лёха прислонился к колонке, длинная челка закрыла лицо. Совсем еще пацан. Пальцы бегают по грифу ловко и точно. В его годы Дэн так не играл, да и вряд ли когда-нибудь сможет. Талант от бога.

Возле стойки с усилителями — Саня Попов, басист. Подпрыгивает на месте, глаза закрыты. Красивый и мощный, как слон.

Человек-монумент, страшный на первый взгляд, но для близких — простой и надежный.

За барабанами со счастливой улыбкой на небритом лице — Андрюха Смирнов, по прозвищу Злой (его все так зовут, потому что добре человека во всей Москве не найти).

Музыка внутри Дэна и партии музыкантов наконец соединились. Почти идеально, как никогда раньше. Песня об ангеле-хранителе словно вздохнула полной грудью, обрела голос, а сам Дэн завис над аккордами чуть в стороне, на небольшой дистанции. Мысли его устремились вдаль, без определенной цели они понеслись по замызганным коридорам бывшего завода «Москвич», воспарили над весенней Москвой, над забытыми автомобилями дорогами и точками пешеходов, облетели тополя с набухшими, почти готовыми лопнуть почками и полетели выше, сквозь завесу тяжелых облаков к полуденному солнцу.

Дэн существовал сразу в нескольких местах, он словно распылчился по вселенной, став одновременно и небом, и луной, и даже каждым из музыкантов группы. Часть его сознания цеплялась взглядом за блики на плакатах, за плавные изгибы инструментов и возвращалась обратно к ритму барабанов, к переливам соло-гитары, к плотному рисунку баса, вниз от слепящего солнца к земле и снова в космос. В изумлении Дэн наблюдал за течением песни, за гармонией и пульсацией мелодии, которая так много для него значила и от которой, как он считал, зависело ни много ни мало его будущее. Неужели это он ее сочинил?

Играть было легко. Пальцы сами складывались в аккорды на грифе, Дэну только оставалось удивляться, что у него вообще было тело. Но, кроме музыки, приходилось еще контролировать дыхание, держаться на ногах, напрягая мышцы, отражать свет зрачками, проецируя его в мозг. Это он почувствовал вдруг и остро.

К середине второго куплета у Дэна слегка занемели пальцы на правой руке и закололо в плече. Кажется, так уже было с ним однажды. Воспоминание расплывалось, как кофейная капля

на салфетке, оно словно появилось из жизни, которой он никогда не жил. Дэн уже чувствовал когда-то эти легкие покалывания, тогда так сильно онемел язык, что он не мог говорить. Испуганные глаза с липкими от туши ресницами смотрели на него из треснутого мутного зеркала времени. Мама?

Ощущение пропало так же быстро, как и пришло, но онемение в руке осталось.

Песня приближалась к финалу; Дэн еще не был до конца уверен, насколько эмоциональной должна быть концовка, и потому чуть приглушил свою партию. Сыграл тише и немного позади основного ритма. Надо отдать должное барабанщику, он поймал его волну, приглушив ритм, и финал зазвучал по-новому, с нотками грусти.

Когда медь последнего аккорда растворилась в воздухе, они загалдели, перебивая друг друга.

— Слышал, как я перед припевом сыграл? — спросил Лёха.

— Клево. Оставь так, — кивнул Дэн.

Он сжимал и разжимал пальцы. Онемение поднималось по руке.

— Ну что, пишем? — крикнул дядя Боря в микрофон. — Готовы? Дэн кивнул.

— Тишина в студии! Пишем!

Зазвучал гитарный рифф. Он набирал мощь, будто поднимаясь из глубин океана, из абсолютной тьмы к свету. С каждой сыгранной нотой напряжение нарастало. Барабанщик коротко ударил в тарелку, акцентируя переход в основную тему, и тогда гитарный рифф вынырнул в брызгах нот на поверхность и закачался на волнах в мощном свинге. Еще удар в медь, и вступили бас и бочка. Следом зазвучала ритм-гитара Дэна; песня набирала ход, мчала на полных парусах к первому куплету, к вокалу, звучащему с легким запозданием, словно его сносило муссоном в соленых от слез брызгах. Сердце защемило от грусти, когда грохот барабанов оборвался, и остались слышны лишь легкие касания

щетками по тарелкам, как капельный перестук под аккомпанемент гитарного перебора.

«Ангел-хранитель». Дэн написал стихи к этой песне зимой, которая, как ему тогда казалось, никогда не закончится. Ранним утром, когда рассвет только коснулся лучом верхушек тополей за окном, Дэн словно сам стал ангелом, чьим-то бесплотным спутником в чужом мире, и записал все как есть. Грусть иногда может достигать такой интенсивности, что рождает нечто прекрасное. Этим она отличается от настоящей депрессии, бесплодной, как пустыня.

Следом за куплетом прозвенело виртуозное гитарное соло, и они с Лёхой запели припев. Вернее, запел только Лёха, а Дэн замер с раскрытым ртом. Слова застряли на онемевшем языке, как куски глины. Неповоротливые и тяжелые, они растягивали губы и вываливались на пол, который внезапно накренился и скользнул из-под ног.

Дэн попытался удержаться на шаткой поверхности, шагнул назад и вбок, опершись бедром о гитарный усилитель, но комната крутанулась, зазвенев жалобно струнами, и Дэн повалился на пол. На секунду все кончилось. Погас свет, время остановилось. А потом он услышал голос:

— Дэн!

Незнакомый, пугающий. Далекый.

«Что со мной? Где я?» — мысли речной галькой дробно рассыпались в мозгу, бескрайном и пустом, как развалины амфитеатра.

— Эй! — крикнул Дэн изо всех сил в ответ. Пятикратное эхо прокатилось, отражаясь от невидимых стен, хриплым старческим отзвуком вернулось назад и исчезло вдали.

— Денис! — далеко, будто за невидимыми горами, кто-то еще звал его. Голос показался знакомым, а потом зазвучал ближе и с другими интонациями: — Очнись, Дэн...

Чуть хриловатый, взволнованный голос настойчиво звал. Очнуться от чего? Ото сна длиною в жизнь? Но зачем? Вопросы придавили его, как кусок скалы. Стало тяжело дышать. В глухом

бесконечном вакууме, в котором он находился, ответов не найдется, это очевидно. Здесь для него ничего нет и никогда не будет. Только эхо голосов и чьи-то тяжелые шаги. Этот изумрудный свет, колышущийся перед глазами, он уже видел однажды. Воспоминание не из приятных.

Дэн не хотел больше находиться здесь, в этом чужом, враждебном времени. Он должен вернуться, пусть даже в сон, в котором жизнь пролетала мимо, в суету дней, в тридцать один год несбывшихся надежд. Но как же трудно сдвинуться с места!

И тогда луна повернулась обратной стороной, пол стал потолком, сегодня превратилось во вчера и защелкало днями, листая жизнь назад и наполняя все вокруг страшным зеленым туманом, приглушившим лунный свет до темно-оливкового. И настал день, который мучил его в болезненных кошмарах всю жизнь.

Пол в лифте грохнулся, кабина содрогнулась. Батя щелкнул кнопкой, и лифт пополз вниз, царапая проводами по стенам шахты. Внизу пахло кошками, на улице — снегом. Дэн знал, как все будет, словно смотрел уже сто раз виденный фильм. Они поедут на автобусе в центр, там отец купит ему мороженое, и кто-то злой толкнет, унизит. Вон он, приближается в уродливой, комом сидящей на голове коричневой кепке. И ничего не сделаешь — рот словно изолентой заклеен, а в руках нет силы. Тысячи иголок колют тело, и зеленый свет извивается северным сиянием на снегу.

Отец оглядывается — глаза веселые и хмельные, и сталкивается с человеком, ждущим встречи тут на углу последние двадцать лет. Человек кричит и замахивается на отца кулаком. Дэну так стыдно за отца, что слезы снова, как и тогда, бегут по лицу, затекают под рубашку, холодят. Сутулая спина человека в кепке пропадает в толпе, а потом Дэн выпадает из реальности, как и тогда. И все меняется.

Рука отца стала огромной, будто ее накачали велосипедным насосом, а здание, у которого они стояли, выросло до облаков,

пронзило их и унесло зеленую вывеску «Сбербанк» к самой луне. На онемевших руках Дэна защелкали зеленые искры, но то уже не были руки ребенка: этот шрам на запястье ему еще предстоит получить, кольца, серебряный браслет с хохочущим черепом — все это из будущего.

Дэн поднял взгляд на здание. Оно превратилось в черную башню, раскачивающуюся с жутким скрипом в воронке торнадо. В узких, как бойницы, окнах, в бледном мертвенном свете, шипя, извивались миллионы змей. Воздух наполнился болотной вонью, и пространство пронзили зеленые линии, образуя дрожащую решетку, а потом все исчезло в багровой вспышке.

Из темноты возникло лицо медсестры. Сонные глаза смотрели мимо. Из ее рта выпали два вялых равнодушных слова.

Он умер.

Завыла мать, ноги ее подкосились, и она опустилась на кафель.

Тогда Дэн второй раз вывалился из обыденности. Мир перед глазами лопнул, зеленые искры пробежали по рвущейся материи, и Дэн, не сходя с места, унесся вопящим комком энергии, сгустком боли в безграничное неведомое. Секундная стрелка квадратных часов в коридоре реанимации с оглушительным щелчком сдвинулась на одно деление в будущее и застыла, подрагивая. Время тут не работало.

Умер. Она ведь так сказала? Дэну стало трудно дышать, больно думать. Хотелось вопить и крушить все вокруг. Он посмотрел вниз на маму и захлебнулся жалостью. Ей-то сейчас какво?

За покрытым голубой краской стеклом на операционном столе лежал отец. В зеленом свете его лицо казалось вылепленным из воска. Оно было спокойным, словно отец разом получил ответы на все вопросы. Дэн теперь видел все. Взгляд мог проникать за самые толстые двери, минуя замки и засовы. Его переполняла неведомая сила.

В газетах это назовут необычным погодным явлением, локальным ураганом при общей метеостабильности, который буквально

снес, вырывая с корнями, небольшой сосновый лес недалеко от Новосибирска. А у Дэна появился тонкий белый шрам на запястье. Многие потом будут думать, что это отметина после неудачной попытки самоубийства, а он будет говорить всем, что поранился, когда ударил кулаком в настенные часы — не мог больше выносить рыданий матери.

Мозг запер эти воспоминания, ограничил к ним доступ. Слишком больно. Невыносимо страшно. С годами память о зеленом свете потускнела, и Дэн уже не мог различить тонкую грань между реальностью и бредовым сном, который остался тлеть на подкорке. Глубоко внутри, под тяжелым замком он спрятал ужас и понимание, что с ним не все в порядке.

Скала, придавившая его, исчезла, Дэн вздохнул и открыл глаза.
— Он очнулся!

Зеленый туман развеялся, он смог различить лица друзей, столпившихся над ним, и улыбнулся.

— Еще и лыбится! — Андрюха пощелкал пальцами перед лицом: — Ты в порядке? Встать сможешь?

— Угу, — выдавил Дэн. Язык еле шевелился во рту, как кусок дешевой колбасы, скользкой и невкусной.

Ему помогли подняться и посадили на табурет под плакатом группы «Линард Скинард», на котором музыканты стояли, охваченные пламенем.

— На-ка вот, — дядя Боря накапал что-то из стеклянного пюзырька на кусочек сахара и протянул ему. В воздухе разнесся знакомый запах — так пахло в комнате его бабушки. — Подержи во рту, пока не рассосется. Должно полегчать.

Через пару минут и вправду стало лучше. Онемение потихоньку проходило, но пришла головная боль. Такая сильная, что Дэн поморщился.

— Я что, головой стукнулся, когда падал? — спросил он.

— Да нет вроде, — ответил Лёха, — ты так ловко сложился, даже гитара не пострадала.

— Тебе, это... к врачу сходить надо, — сказал Санька.

— Все на сегодня тогда? — предложил Лёха. Было заметно, что мысленно он уже в другом месте. Наверняка с какой-нибудь смазливой девчонкой.

А как же песня? Надо закончить запись, чтобы начать ее продвигать. Их ждал успех, а Дэн совсем расхлябался.

— Не переживайте, пацаны! Я первый дубль записал, — успокоил всех дядя Боря. — Как по мне, идеально сыграли. Почисти кое-где, может, из второй записи что добавлю, вот и демо готово. — Он поднял руку в шутовском салюте. — Ладно, если что, я в операторской.

Если что — значит, нужно занести деньги за запись. Дэн встал с табурета, жестом показав, что справится сам, и прошелся по студии, разминая ноги. Он в порядке. Почти. Медленно, будто делая это впервые, Дэн сложил гитару и примочки в футляр. Руки плохо слушались, рот был полон слюны, приходилось то и дело сглатывать. Зеленая решетка все еще стояла перед глазами, низ живота холодил ужас. Он на секунду зажмурился, отгоняя наваждение.

— Я отвезу тебя до дома, — предложил Лёха.

Из всех участников группы только у него была машина, дряхлый «Форд-Фокус». Обычно он довозил всех до метро.

— Ладно, — кивнул Дэн, — зайду пока к дяде Боре.

Дядя Боря лежал на диванчике и смотрел футбол на экране крошечного телевизора. В комнате пахло бражкой и заношенной одеждой.

— Кто играет? — спросил Дэн. Он не любил футбол, но поддерживать разговор о нем мог. Частенько это помогало в делах.

— Нарезку с чемпионатов Европы смотрю.

— Понятно.

— Ну как ты? — спросил дядя Боря. — Лучше?

Дэн кивнул.

— Вот деньги, — он достал бумажник и отсчитал несколько купюр.

— До дома доберешься?

— Лёха довезет.

— Ну, давай тогда!

Дэн вышел в коридор. Контраст между стильным убранством студии и другими помещениями бывшего автозавода «Москвич» был так велик, что Дэн каждый раз поражался, хоть и бывал здесь дважды в неделю уже больше трех лет. Облупленная краска на стенах, разбитые полы, клочьями свисающая с потолка побелка вперемешку с паутиной — это любого повергнет в шок. Сколько еще в Москве таких заброшенных мест под защитой сонных охранников в пыльных конторках? И не сосчитать.

Дэн всегда старался уйти отсюда как можно скорее, но сегодня в его шаге не было обычной упругости. Казалось, прошла вечность, прежде чем он спустился на первый этаж. Солнце с трудом просачивалось сквозь мутные витрины. Дэн прошел через вертушку, не глядя на охранника, и вышел из проходной. Дверь за ним захлопнулась с таким грохотом, что спугнула стайку голубей, копошившихся на лысом газоне.

А на улице цвела весна. Главное, что нужно помнить про это время года, — не стоит злиться на временные неудобства. Надо лишь пережить пару переходных недель, пока сходит снег, обнажая всю накопившуюся грязь, пока все течет мутными реками по улицам, капает с балконов, чавкает под ногами и когда не хочется думать, по какой дряни ты только что прошел.

Машина была припаркована прямо у крыльца завода, при этом бампер завис над первыми двумя ступеньками. Мотор «форда» бодро почихивал, салон был полон музыкантами, и это наводило на мысли о гастрольном туре.

Дэн подошел к водительской двери и только хотел постучаться в окно, чтобы попросить открыть багажник, как Лёха выскочил из машины и вырвал из рук гитарный кофр.

— Ты садись, я сам...

— Значит, нужно грохнуться в обморок, чтобы к тебе проявили уважение как к старшему товарищу? — сказал Дэн, садясь на любезно оставленное для него переднее место. — Я это запомню.

Сквозь запах пота и бензина в салоне пробивался нежный аромат духов. Неожиданно свежий и отчетливо знакомый, он тут же исчез, словно и не было. Или Дэну только показалось?

Он откинул голову на подголовник. Хлопнула крышка багажника, ввалился Лёха и обратился к сидящим сзади:

— В салоне не курить, на борту раненый.

Машина взревела, резво сдав назад, прокатилась широкой дугой по парковке и рванула к Волгоградскому проспекту.

Глава 2

До метро домчались меньше чем за минуту. Андрюху и Саню сзади синхронно мотало, как бобслеистов на трассе. Лёха был дерзким, но не очень уверенным водителем. Дэну все время хотелось топнуть по несуществующим тормозам, а руки сами собой искали, за что зацепиться.

— Здесь останови! — крикнул Андрюха.

Лёха вырулил на обочину, не доезжая до входа в метро. «Форд» на холостых оборотах ревел, как ракета на старте, приборная доска мелко дрожала. Музыканты быстро вытащили вещи из багажника. Наклейки на большом черном кейсе с бас-гитарой красноречиво говорили, что хозяин — любитель тяжелого рока. Саня и сам выглядел устрашающе. Тем более удивительным показался контраст его внешности с кроткой улыбкой, когда он помахал на прощанье рукой и зашагал к метро. При каждом его шаге, огромном, словно он переступал через пропасть, кейс наклонялся вниз и возвращался назад, как маятник, едва не соприкасаясь с асфальтом. Андрюха катил за собой тележку с тарелками и барабаном в черном пыльном чехле, колеса весело скрипели.

Лёха посигналил и вывернул на дорогу. Машина, чихнув мотором, понеслась вперед.

Без ребят в салоне стало легче дышать, и Дэн снова почувствовал знакомый аромат духов. Он качнулся в воздухе, только обозначив свое присутствие, появился и пропал — так быстро, что Дэн снова не смог вспомнить, откуда его знает.

— Ну, ты как, брат? — спросил Лёха, облизнув пухлые губы.

— Голова раскалывается.

Дэну не хотелось общаться. Он смотрел на Лёхин профиль, на густые брови и непропорционально маленькие розовые уши, на то, как он крутит руль, и не мог понять, почему злится.

— Слушай, Дэн, — сказал Лёха, — ты все же красавчик, знаешь это? — Перестроился на соседнюю полосу, покачал головой. — Но тебе нужно больше в себя верить. Пойми! Деньги — это, конечно, сила, но талант, я считаю, все равно дорогу пробьет.

— Ты о чем вообще?

Дэну сейчас даже Лёхин голос не нравился. Сильнее головной боли было только раздражение. Из-за того, как безалаберно он водит, из-за этих его вечно влажных губ.

— Понятно, что без бабла никуда, — продолжал Лёха, сосредоточенно глядя на дорогу. — Вот ты вкалываешь, у тебя ведь единственного в группе стабильный доход. За все платишь, даже нас не спрашивая, — он почесал за ухом. — Что тут скажешь? Ты крут, бро!

— Это просто мой шанс, вот и все. Раскрутить проект и мои песни, — Дэн поморщился. Едва он повысил тон, чуть разволновался, как его словно обухом топора по голове ударили. Снова зеленая пелена всколыхнулась перед глазами.

— Это понятно, никто и не спорит, — сказал Лёха. — Я к тому, что ты всегда можешь на меня рассчитывать. В плане музыки, аранжировок, — он вздохнул, сопя носом, как обиженный ребенок. — Может, у меня и нет таких крутых идей, как у тебя... Зато я неплохо играю. Да?

— Еще бы! Ты супергитарист, — Дэн не лукавил, это была чистейшая правда. — Если бы не твой гитарный рифф, песни бы просто не было.

Лёха кивнул.

— Слушай, Дэн, — сказал он — твои гениальные тексты и моя соло-гитара — мы войдем в историю, чувак!

— Посмотрим, — сказал Дэн, закрывая глаза. Такая перспектива его устраивала.

Минут пять они ехали в полной тишине. Дэн словно оказался в старой детской игрушке — в пластиковой машинке с приклеенным к днищу магнитом, бегущей по бесконечному кругу. Проехали под мостом, мимо пронеслось раскидистое дерево, промчалась «мазда» с тонированными стеклами, покрывающая, как утка.

— Помнишь, я рассказывал про одного знакомого продюсера? Дэн вздрогнул.

— Он ждет от меня материал... От нас, — поправился Лёха. — Я ему уже кое-что с репетиций показывал.

Волна неприязни снова поднялась в Дэне, стремительно, как шапка пены в бокале с пивом. Небо сквозь солнцезащитную наклейку на лобовом стекле походило на заставку из постапокалиптической компьютерной игры. Сиренево-дымчатые мохнатые облака летели на них как предупреждение, как какой-то знак.

— Жду не дождусь теперь, — сказал Лёха и ткнул Дэна в бок. — Как только дядя Боря даст демку, сразу пошлю ему. Если ты, конечно, не против...

— Что еще за продюсер?

— Да ты не знаешь, я с прошлой группой в его в студии писался.

Они съехали с третьего транспортного кольца и вклинились в плотный поток. Лёха постоянно перестраивался, то резко разгоняясь, то так же резко тормозя.

— Я вас познакомлю, — сказал он. — Говорю тебе, чувак, я вижу золото в этой песне. Играю партию, а перед глазами прыгают фанатки, — Лёха начал заводиться, мотор завыл, повышая обороты. — Подпеваю в припеве и слышу рев трибун «Олимпийского» или, чем черт не шутит, стадиона «Уэмбли».

Только прикинь! *Please welcome! The one, the only — Atoll Bikini!* И толпа ревет! Я прям кончаю, — он ударил по рулю, машина вильнула, завизжав шинами. — Подпишем контракт на запись альбома, потом клип в ротацию... MTV, VH1, «Радио Максимум», все дела!

Лёха вслух проживал будущее, вцепившись мертвой хваткой в руль. Жал на газ, кидая восторженные взгляды на Дэна и смешно шевелил бровями.

— Поедем в тур, брат! Москва — Осло — Хельсинки — Гамбург — Берлин — Париж — Лондон!

— Эй, Лёха, остынь! — прикрикнул Дэн. — Таким макаром до гастролей нам не дожить.

— Я тебе точно говорю, будет прорыв, — Лёха улыбнулся и сбавил обороты. Визг машины перешел в тихое урчание. — Мы их всех порвем, вот увидишь!

— Порвем, конечно, а пока расслабься лучше, подыши.

— Всегда завожусь, когда об этом думаю, — Лёха виновато пожал плечами. — Играть на гитаре — это все, что я могу, пойми. В остальном я полный лузер. У тебя хоть профессия есть, не пропадешь. А мне что делать, если с музыкой не получится? В «Музторге» китайские гитары лохам впаривать или давать занятия игры на гитаре неудачникам за копейки?

Ленинский проспект, лицо советского градостроительства, встретил их ровным гулом машин в широком пазу между рядами домов-брусочков. В сторону области проспект был свободным.

Слева пронесся Гагарин, устремленный в тучи. Нижняя часть его, от пояса и до постамента, показалась Дэну возмутительно непроработанной, особенно по сравнению с руками-крыльями. Погода быстро менялась. Грядущее ненастье чувствовалось каждой клеточкой тела.

— Метров через сто будет торговый центр, после не разгоняйся, — сказал Дэн.

— Знаю, — махнул рукой Лёха. — Я ж тебя подвозил уже. Забыл?

Дэн не смог вспомнить, как ни старался. Может, прошлой зимой после концерта в Швайне? Вроде нет, он тогда на такси домой приехал.

По красивой плавной дуге Лёха въехал во дворы и, разбрызгивая жидкую грязь, подъехал к дому-свечке.

— Приехали! — сказал, заглушив двигатель. — Ты как?

— Лучше не бывает.

Дэн потянул ручку, толкнул плечом дверь и вылез из машины. Похрустел шеей, потянулся. Все тело ныло, будто он целый день разгружал вагоны с углем. Лёха тоже вышел. Закурил. Облако дыма поплыло над головами, дернулось под напором ветра и, скользнув по стене, растворилось в серой выси.

Дэн вытащил кофр с гитарой и закрыл багажник.

— Ну, давай, — он кивнул Лёхе и, не протянув руки, пошел к двери.

Лёха проводил его взглядом, глубоко затынулся и выбросил бычок в бурый от грязи и мусора палисадник.

Глава 3

За окном уже стемнело, когда в дверь позвонили. Слава богу, это Крис — только она звонит так, будто извещает о ядерной атаке. Еще и стучит. Крис из тех девушек, которые выбивают закрытые двери ногой.

Она влетела как ураган. Быстро поцеловала и сунула в руки пухлый бумажный пакет. Скинула в угол один «мартенс», взялась развязывать шнурки на другом ботинке, но махнула рукой, и, прыгая на одной ноге, ускакала в туалет.

— Я только с репетиции и сразу к тебе. Соскучилась жутко! — крикнула Крис из-за двери. — Ты как?

— Нормально, — ответил Дэн, шурша пакетом.

Внутри лежала большая коробка с салатом и пирожки. Воздух наполнился запахами еды.

— Есть хочу, умираю! — крикнула Крис из ванной комнаты.

За ужином Дэн рассказал про обморок на репетиции. Хотел посмеяться, но Крис огорчилась.

— Ты что, умереть хочешь? — отхлебнула пива, фыркнула и припечатала бокал к столу с такой силой, что в шкафу зазвенели стекла.

— Да ладно, — махнул рукой Дэн, — устал немного, вот и все.

Отзвуки той дневной головной боли все еще напоминали о себе, а вот страх ушел. Дэн обрадовался приходу Крис. В последнее время это случалось не так часто, как хотелось бы.

— Почему ты не хочешь понять? — не сдавалась Крис. — Это же серьезные симптомы! Ты что — Наташа Ростова в обмороки падать? А если инсульт?

Дэн снова махнул рукой:

— Вообще уже жалею, что рассказал.

— Ты должен все-все мне говорить, — сказала Крис и надула губки. Она еще сердилась, но ей уже начало надоедать. Крис меняла настроение, как хамелеон цвета.

— Вообще-то, мило, что ты волнуешься за меня, — сказал Дэн.

— А как иначе? Ведь я люблю тебя, придурок.

Он отодвинулся от стола, раскрыл руки в объятьях:

— Иди ко мне.

Крис запрыгнула к нему на колени и прижалась к груди. Такая крохотная, почти невесомая. От нее пахло полевыми цветами и апельсинами.

— Дай-ка поцелую эти глазки, — прошептала Крис. — Сначала правый. Мой любимый, синий, — она потянулась губами, — а потом левый, карий.

Откуда в ней столько нежности сегодня?

— Ох, как же я люблю тебя, Дэн!

Она легонько куснула его за нижнюю губу. Он ответил долгим поцелуем. Пока ссоры заканчиваются любовью, в отношениях еще не все потеряно. Дэн чувствовал кожей, как быстро стучит ее сердце. Ее дреды пахли табаком, а шея весной. Не отрываясь от ее губ, Дэн поднял Крис и унес ее в ночь. Глаза их были закрыты, и не существовало на свете людей ближе.

* * *

Понедельник разорвал сон противным пиликаньем будильника, и Дэн обрадовался, увидев Крис рядом. Она вносила в жизнь

подобие уюта и теплоты, пусть и не стала настоящей хозяйкой в доме. Она не любила да и не умела готовить, зато у нее замечательно получалось заказывать на дом пиццу и китайскую еду в коробочках. Она платила сама, с негодованием отвергая его деньги. Отец Крис владел промышленной недвижимостью в Подольске, и на это жила вся их большая, но не очень дружная семья. Крис не проработала ни единого дня в жизни, если не считать концертов ее группы, зато деньги у нее водились всегда, и она с ними без сожаления расставалась.

У Дэна оставалось несколько минут в запасе, и он смотрел, как она спит, подложив кулак под голову. Во сне Крис хмурилась, будто решала там, за гранью реальности, важные дела.

«Крис и важные дела!» — Дэн улыбнулся.

Вчера она не смыла макияж, и нечто черное, не то тушь для ресниц, не то подводка для глаз, размазалось по лицу и подушке, отчего теперь Крис походила на порноактрису. Дэн не удержался, прыснул.

— Чего ржешь? — спросила Крис глухим от сна голосом. — Если надо мной — убью.

Дэн не выдержал и захохотал. Уж очень смешно она говорила, не меняя выражения лица и с закрытыми глазами. Даже губами не шевелила. Словно механическая кукла.

— Точно убью, спать не мешай...

Дэн поцеловал ее в щеку и вылез из кровати. Зашлепал босями ногами по полу. Быстро собрался

— Я пошел. Хорошего дня, Крис!

— Пока... — донесся из комнаты сонный голос.

Дэн застыл на секунду на лестничной площадке у двери. Подумал — а может, ну его на фиг? Вернуться домой, раздеться и нырнуть под одеяло? Пока душа мечтала, мозг все решил. Он отдал приказ мышцам, и пальцы отпустили дверь. Та закрылась, щелкнув английским замком. Значит, не сегодня.

Рабочий день, как и предполагалось, получился сложным, нервным, но прошел так быстро, что Дэн удивился, заметив, что

люди в офисе начали собираться. Посмотрел в окно. Когда успело стемнеть? Он сегодня снова не видел солнца. Вышел из дому затемно, и возвращаться домой придется в сумерках. В сердце кольнуло сожаление. Очередная весна проходит мимо.

О вчерашнем обмороке он и не вспоминал, будто ничего не случилось. Голова не болела, он чувствовал себя превосходно. Дела на работе двигались, продажи росли, как и его авторитет среди сослуживцев и руководителей фирмы. Пять салонов из десяти перевыполнили планы за месяц, в этом была и его, директора по маркетингу, заслуга. Рекламный бюджет отбивался, а участие в главной мебельной выставке в Экспоцентре можно было назвать триумфальным. Но и вкалывать приходилось как никогда. Каждый рубль, вложенный в его зарплату, приходилось отрабатывать.

Дэн любил свою работу, но понимал: такой режим рано или поздно приведет его либо в дурдом, либо в могилу. Похоже, что мирное сосуществование дельца и творца в нем подходило к концу. Одна из личностей должна была уступить, не хватало лишь крохотного движения материи во вселенной, чтобы окончательно разрешить спор. Работа в офисе оплачивала счета, в том числе и хобби, но Дэн мечтал поменять все местами, чтобы заниматься только музыкой. Сочинять песни и петь их людям. Ведь именно этого он и хотел с самого детства.

По дороге домой Дэн думал о новой песне. Первый куплет был готов, но дальше дело застопорилось. Мелодия звучала в его голове так ясно, он даже удивился, что никто, кроме него, ее не слышит. Старенький троллейбус качало, будто рыбацкий баркас в шторм, в Дэна кидало людьми, как брызгами, а он сочинял лучшую музыку своей жизни.

Мелодия звучала в нем и тогда, когда он шел к дому в потоке людей, придавленных тенью торгового центра. Он топал по тротуару, через каждые пятьдесят метров влетая в желтые орбиты света уличных фонарей, мимо выросших как грибы после дождя «Пятерочек» и «Магнолий», и вдыхал запахи, словно

щенок в первую весну, жадно и со смутным предвкушением чего-то удивительного.

В его окнах горел свет — значит, Крис дома. От этого стало еще радостнее, и последние метров пятьдесят он пробежал, так не терпелось ее увидеть. Дэн набрал код на домофоне и поднялся на седьмой этаж.

— Ты бежал, что ли? — спросила Крис, когда он ввалился в квартиру.

— Ага, не смог удержаться, побежал, едва почувствовал запах пиццы из нашего окна.

— С ума сошел? Бегать в твоем состоянии?

— В каком еще состоянии? — удивился Дэн.

— Вчера в обморок падал, а сегодня решил марафонцем заделаться?

Крис стащила с него куртку и бросила на обувной ящик в углу. Повела за руку в зал, как маленького, усадила на стул и села напротив с видом, который не предвещал ничего хорошего.

— Я все решила.

— А ботинки? — запоздало запротестовал Дэн.

— Они тебе идут, — сказала Крис, — да и потом, на улице чище будет, чем у тебя тут.

Это его покорило. Она сказала — «у тебя», а не «у нас».

— Я потом полы помою, не переживай. Сейчас о главном, — Крис положила руку ему на колено. Заглянула в глаза.

Дэну стало не по себе. Он даже подумал, что Крис решила его бросить.

— Тебе надо обследоваться, — сказала Крис тоном конферансье, объявляющего номер, которого все ждали. — Но беспокоиться не о чем, — добавила она, заметив, как он дернулся, словно от удара электрическим током. — Я обо всем договорилась. Помнишь, я рассказывала об однокласснике моей сестры? Ну же? — Крис вопросительно приподняла правую бровь. — Хирургом работает в Бурденко? Александр Алексеевич?

Дэн не помнил. Учитывая, сколько всего она успевала ему наговорить за один день и как много ненужной и бессмысленной информации она донесла до него за все время их знакомства, отдельным фактам просто не хватало места в голове. Для того чтобы внимать этому потоку, надо было обладать интеллектом восьмиклассницы и памятью суперкомпьютера.

Тем не менее он утвердительно кивнул.

— Так вот, я ему позвонила и договорилась на завтра. Представляешь? Это в центре. На Маяковке. Тебе там сделают томографию головного мозга.

— Чего?

— Томографию, — повторила она по слогам, — и будет видно, отчего эти онемения и обмороки, — Крис подалась к нему всем телом. И без того большие ее глаза теперь висели над ним как две голубые инопланетные тарелки. Колечко в ее носу качнулось, и это выглядело одновременно забавно и пугающе.

— А вдруг у тебя опухоль в мозгу? — прошептала она.

Так далеко в мыслях Дэн еще не заходил. Теперь, глядя в ее глаза, он с ужасом понял, что это возможно. Черт, очень даже возможно! Налицо все классические симптомы опухоли или аневризмы. Последнее, конечно, предпочтительнее. В один миг — бах! Но, черт, он совсем не готов к такому варианту. Дэн представил себя на больничной койке, опутанного проводами и пластиковыми трубками, осунувшегося, с землистым цветом лица, с кругами под испуганными глазами, еще и лысого, как коленка мисс Мира.

— А знаешь, что самое классное? — спросила Крис, наклонившись еще ближе. Колечко снова качнулось. Она улыбалась так, будто прячет в рукаве целых пять козырных тузов.

— Понятия не имею, что здесь вообще может быть классного? — ответил Дэн. Вся эта сцена его утомила. Ему хотелось переодеться и поесть. И не думать. Опухоль в тридцать один год? Когда в жизни только начинается все самое интересное?

Крис посмотрела на него, как на капризного ребенка:

— С тебя даже денег не возьмут, представляешь?

— Ну, круто.

— Знаешь, сколько стоит у них эта процедура? Мы же говорим о Бурденко, Денис!

— ...Бурденко, Денис, — повторил он за ней пискляво.

— Ты еще и паясничаешь? — спросила она, стремительно уменьшаясь в размерах и надувая по пути губки. — Я же для тебя старалась.

Хуже нет, когда она обижается. Будет дуться весь день, намеренно, театрально, не покидая его из виду, чтобы знал, из-за кого она страдает. Упустишь момент перехода границы спора в обиду — пиши пропало, никакие извинения не помогут. Хоть павлином вокруг ходи, распуская хвост и пытаясь загладить вину, прощения не будет. Пока она вволю не отдуется, не исплчется и не наобижается, лучше не подходить. Наказание — быть рядом, выпитывать вину, стоять без зонтика под ливнем упреков и молчаливого порицания. Терпеть и ждать, пока тучи не разойдутся. Обычно на это уходило два часа, иногда три дня, а однажды она дулась неделю.

— Ну, ладно тебе, — он обнял ее мгновенно ставшие каменными плечи и чмокнул в колечко в носу. — Сделаем мы эту томографию. Не проблема, — он поцеловал ее еще, на этот раз в губы, и камень поддался. Крис ответила на его поцелуй. Дэн оторвался на секунду и прошептал: — Все равно я давно хотел провериться...

Спустя полчаса они ели пиццу за большим полированным столом в гостиной, запивая ледяной колодой, и вполглаза смотрели глупую голливудскую комедию на экране ноутбука. Все же им было хорошо вместе. Большую часть времени. Случалось всякое, но в такие моменты, особенно после легких ссор, они сливались в единое целое.

Глава 4

Дэн не хотел ехать. По дороге он представлял, как на работе народ травит анекдоты в курилке и как приятен первый глоток кофе за рабочим компьютером. От этих мыслей стало совсем невесело.

Они поднялись по эскалатору наверх, к низкому небу, камням и бетону, и Дэн оглянулся в сторону Маяковской площади. Он думал, они выйдут там, у белокаменных букв «П», к перекладинам которых крепились качели. Ему казалось, что, если он их увидит, станет легче, не так муторно, словно качели — это амулеты, дающие силу. Но все, что было позади, — пожирающая сама себя серая линия домов с одной стороны и мрачный бетонный забор с другой.

— Нам туда, — дернула его за рукав Крис и потащила по одной из Тверских-Ямских, в которых Дэн ни черта не понимал. Небо давило свинцовыми белилами облаков, обещавшими скорый дождь. Не потому ли Дэну хотелось спать? Они прошли пару кварталов по узкому тротуару с обломанными зубами бордюров, и ступили в тень бело-красного здания в стиле «Лего».

Внутри пахло аптекой и мокрыми пальто. Камень, интегрированный в пластик, звездные отражения потолочных светильников в надраенных плитках пола, шум голосов — все напоминало

четырёхзвездочный турецкий отель. Тот же пыль-в-глаза-пускательный размах.

— Посиди пока, — сказала Крис. — Я Александру Алексеичу позвоню.

Дэн сел на круговой диванчик, свернувшийся серым котиком вокруг колонны. Хотел опереться спиной, но впечатался поясницей в металлический поручень. Это, значит, чтобы побелку не пачкали. Предусмотрительно.

Именно сейчас в голове Дэна словно зажглась лампочка. Для Крис вся эта ее забота — не что иное, как прогулка в музей или поездка с друзьями на выходные в контактный зоопарк, енотов потискать. Развлечение. Тогда кто он для нее? Временное прибежище? Енот в кожаных штанах?

Дэн оперся локтями в колени, лицо само собой опустилось в ладони. Не думать ни о чем. Все это ерунда, глупые мысли. Он излишне драматизирует. Тепло рук подействовало успокаивающе. Когда Крис вернулась, Дэн был в норме.

— Спустится через пару минут, — сказала она, положив руку ему на плечо. — Ты как?

— В порядке, — ответил он и потерся щекой о ее ладонь. — Думал о тебе.

А Крис посмотрела сквозь и мимо, зрачки ее расширились одним плавным движением, как лепестки диафрагмы в объективе. Дэн оглянулся.

По крутой лестнице с блестящими металлическими перилами спускался невысокого роста человек в темно-синей робе хирурга. Ноги его мягко пружинили в ярко-зеленых дырчатых сандалиях. На круглом лице блуждала ни к чему не обязывающая улыбка, взгляд сканировал пространство, отскакивая резиновым мячиком от голов. Глаза, нос и рот хирурга были маленькими и аккуратными, казалось, что они когда-то стремились к центру, но, достигнув максимальной точки, оттолкнулись, поплыли назад и застыли в совершенно неподобающих местах.

«Какая интересная физиономия», — подумал Дэн.

— Вон и он! — воскликнула Крис.

Они пошли навстречу, и хирург их заметил. Вернее, он увидел Крис — глаза его загорелись, лицо расплылось в улыбке.

«Одноклассник сестры? — кольнуло у Дэна под сердцем. Он удивился: — Неужели я ревную?»

— Кристиночка! — неожиданно глубоким басом воскликнул хирург, разводя руки для объятий.

— Саша! — взвизгнула Крис так громко, что со всех сторон на них посыпались любопытные взгляды.

Саша ловко выкрутился из щекотливой ситуации, пожав Крис руку. Заметил начинающуюся у костяшек пальцев яркую мешанину татуировок и удивленно хмыкнул.

— Ты у нас теперь панк? — спросил он, оглядывая Крис с ног до головы.

А выглядела она и вправду колоритно, не зря на нее все пялятся. Представьте хрупкую еврейскую девочку. Добавьте голубые глазищи в пол-лица, густо подведенные черным, пирсинг в носу и дреды. Это еще не все. Руки у нее от пальцев до плеч в ярких цветных татуировках, в так называемой классике — морячки, девчонки в стиле пин-ап и все в этом духе. Высокие шнурованные ботинки «Доктор Мартенс» на тяжелой платформе, а над ними — сетчатые колготки с дырками на икрах и бедрах, короткая кожаная юбка колокольчиком и косуха с кучей металлических цапек. Можно целый день разглядывать.

— Это Денис, — представила Дэна Крис. — А это Саша.

— Александр Алексеевич, — машинально поправил ее Саша и тут же добавил: — Но для вас я Саша.

Они обменялись рукопожатием. Серебряный перстень хирурга так сильно впился в ладонь, что Дэн еле сдержался, чтобы не выругаться. Здоровый мужик этот Саша, хоть по виду и не скажешь.

— А ты, наверное, металлист?

Дэн пожал плечами.

— Ладно, не обижайся, — сказал Саша. — Шучу я.

В долю секунды он превратился обратно в хирурга одной из лучших клиник страны. Лицо стало серьезным, тон холодным:

— Теперь к делу. Сам я — нейрохирург. Ко мне вам пока нет нужды соваться, — он улыбнулся краешками губ. — Я отведу вас наверх в отделение лучевой диагностики. К врачу Буровой Татьяне Ивановне. Сделаете там магнитно-резонансную томографию, ну а дальше, как говорится, фото покажет, — он улыбнулся, весьма довольный собой. На секунду стал снова Сашей, своим в доску парнем. — Пошли?

Они поднялись по лестнице в нужное отделение. Широкий белый коридор убегал вдаль, заканчиваясь распашными дверями. Два ряда круглых светильников, утопленных в потолке, отражались яркими всполохами в сером линолеуме. По обе стороны коридора зеленели двери. Возле одной из них на скамейках с дырчатыми спинками сидели в ожидании люди. Саша показал на свободные места. Они сели.

— Напомни свою фамилию?

— Цветков. Денис Николаевич. Восемьдесят шестого года рождения.

Саша подмигнул и зашел в кабинет. Через пару минут вышел, присел на край скамейки рядом с Крис.

— Надо немного подождать, — он кивнул Дэну. — Очень, — Саша прижал руку к груди и шутливо склонил голову перед Крис, — очень был рад повидаться!

— Спасибо тебе огромное, Санечка!

Он кивнул, с чувством пожал им руки и ушел, поскрипывая кроксами. Вот только что был и тут же исчез за одной из дверей.

Крис положила голову Дэну на плечо и вздохнула. Не горестно, но так по-взрослому, чем опять напомнила свою мать. Они просидели в полудреме минут двадцать. За это время люди рядом даже не пошевелились. Казалось, они муляжи, посаженные для того, чтобы коридоры не выглядели слишком пустыми.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1.....	5
Глава 2	17
Глава 3.....	22
Глава 4	29
Глава 5.....	49
Глава 6	60
Глава 7.....	64
Глава 8	75
Глава 9	85
Глава 10	94

ЧАСТЬ 2

Глава 11.....	109
Глава 12	119
Глава 13	123
Глава 14	144
Глава 15	157
Глава 16	163
Глава 17	172
Глава 18	190
Глава 19	193
Глава 20.....	208
Глава 21	214
Глава 22.....	226

ЧАСТЬ 3

Глава 23	253
Глава 24	263
Глава 25	283
Глава 26	299
Глава 27	310
Глава 28	323
Глава 29	345
ЭПИЛОГ	359

Литературно-художественное издание

Андрей Юрьев

СОЛО НА ШВЕЙНОЙ ИГЛЕ

Роман

*В книге сохранены особенности
авторский орфографии и пунктуации*

Редактор Л. Арангулова
Выпускающий редактор Б. Геласимов
Корректор А. Калинин
Компьютерная верстка Е. Климентьевой
Дизайн обложки А. Геласимовой

Подписано в печать 23.08.2021. Формат 60×90/16

Печ л. 23. Гарнитура «Alegreya».

Тираж 1000 экз. Заказ

«Издательский дом “Городец”»

105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, к. 1

www.gorodets.ru, e-mail: info@gorodets.ru

тел.: +7 (985) 8000 366

Андрей Юрьев — немного музыкант, совсем чуть-чуть фотограф, писатель с юности. Официально не публиковался, не привлекался, не замечен. Родился и вырос в Якутии. В 90-е учился и жил в Мельбурне, Австралия. В 2000-е переехал в Москву. Автор повести-сказки «Шумелка Мышь». По утрам пишет в ресторанах быстрого питания, днями притворяется маркетологом, вечерами служит примерным семьянином. Две собаки, красавица жена и удивительная страна вокруг служат Андрею ежедневным источником вдохновения.

У тридцатилетнего Дэна все хорошо: стабильная работа в крупной компании, дома ждет любимая девушка и даже близится запись дебютного рок-альбома. Неожиданный обморок во время репетиции с группой меняет все: МРТ показала наличие в головном мозге... швейной иглы! Как она туда попала? И что теперь с этим делать? В поисках правды молодой человек отправляется в родной Новосибирск, где тревожные детские воспоминания давят со всех сторон. Злополучная иголка в его голове закрутила грампластинку семейных тайн, и вместо ответов Дэн находит лишь новые вопросы. Между тем в городке близ Новосибирска обычная девушка с необычными глазами обретает неведомую силу.

www.gorodets.ru

25
ЛЕТ
ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ
ГОРОДЕЦ

ISBN: 978-5-907483-02-6

9 785907 483026